

УДК 821.161.1-36(Державин Г. Р.)
ББК ШЗЗ(2Рос=Рус)5-8.44

ГСНТИ 17.07.41

Код 10.01.01

Е. Е. Приказчикова
Екатеринбург, Россия

ЖАНР АНЕКДОТА В «ЗАПИСКАХ» Г. ДЕРЖАВИНА

Аннотация. В статье рассматривается место анекдота как малого прозаического жанра в культурном сознании XVIII — начала XIX веков. На примере «Записок» знаменитого поэта XVIII столетия Г. Р. Державина исследуются основные виды и формы функционирования анекдота в автодокументальном тексте. Доказывается, что Державин владел формами как классического исторического анекдота, делая его героями своих современников, так и анекдота, становящегося одной из стратегий изображения собственной личности в «Записках». Речь идет о стратегиях изображения Державина — знаменитого поэта, Державина — частного человека, борющегося со своими страстями и переживающего приключения всякого рода, наконец, Державина — государственного человека, идеального вельможи и истинного сына Отечества. Автор статьи приходит к выводу, что, с одной стороны, анекдоты «оживляют» рациональное эпическое повествование записок, составляя его «изюминку». Рассказывая анекдоты, автор переходит от описательного стиля к стилю художественного повествования. С другой стороны, именно анекдоты позволяли автору записок достигать в них цельности собственного образа в условиях, когда он все время распадался на ряд сменяющих друг друга классицистических номинаций: от капрала-молодого-любовника до статс-секретаря Екатерины II, от карточного шулера до первого поэта России.

Ключевые слова: мемуарная литература; литературные жанры; анекдоты; образ автора; русская литература; русские писатели; литературное творчество.

Е. Е. Prikazchikova
Ekaterinburg Russia

THE GENRE OF ANECDOTE IN G. DERZHAVIN'S NOTES

Abstract. The article describes the role of an anecdote as a small prosaic genre in the cultural consciousness of the 18th and early 19th centuries. The main types and forms of an anecdote in an autodocumental text are studied on the basis of “The Notes” by the famous poet of the 18th century G. Derzhavin. It is proved that Derzhavin was able to use the forms of a classic historical anecdote, as pronounced by his contemporaries, and an anecdote, becoming one of the strategies for depicting his own personality in “The Notes”. We are talking about the strategies for portraying different qualities of Derzhavin: Derzhavin — a famous poet, Derzhavin — a man struggling with his passions and experiencing the adventures of all kinds, and finally Derzhavin — a statesman, an ideal grandee and the true son of the Fatherland. The author of the article comes to the conclusion that, on the one hand, the anecdotes “revive” the rational epic narration of the notes, making up its “zest”. While telling jokes, the author proceeds from a descriptive style to a style of artistic narration. On the other hand, it was the jokes that allowed the author of the notes to achieve the integrity of his own image, when it was constantly breaking down into a number of successive classic nominations: from a corporal-young lover to the state secretary of Catherine II, from a card sharper to the first poet of Russia.

Keywords: memoir literature; literary genres; anecdotes; writer's image; Russian literature; Russian writers; writing.

Среди малых жанров русской прозы особое место занимает анекдот. В эпоху античности анекдот обычно включал в себя рассказ об остроумном ответе или об удивительном и необычном поступке. Часто героями анекдотов становились знаменитые философы, вроде Сократа или Диогена, чье эксцентричное поведение и парадоксальные речи оказывались в центре всеобщего внимания. Анекдот часто входил в состав античных жизнеописаний-биографий. Самый яркий пример этого дают «Сравнительные жизнеописания знаменитых греков и римлян» Плутарха, где характер Александра Македонского последовательно раскрывается через цепь анекдотов, начиная с истории укрощения коня Буцефала и кончая прощанием умирающего царя со своими солдатами, которые со слезами проходят мимо его ложа, в Вавилоне.

Во французской литературе Нового времени анекдот впервые начинает сближаться с жанрами афоризмов и максимов, впоследствии — с мемуарной литературой. Это обстоятельство позволило данному жанру в XVIII — I половине XIX веков пережить в Европе и России настоящий «золотой век», переместившись с периферии литературного процесса практически в его центр. Л. П. Гроссман имел все основания так оценить жанровый потенци-

ал анекдота: «Всматриваясь в особенности его бытовой жизни, полной блеска, веселости, скептической иронии, ума и остроты, испытываешь невольную потребность реабилитировать этот литературный вид» [Гроссман 2010: 45]. В России XVIII века анекдоты, функционируя в составе мемуарного текста, этого «альтернативного» (по терминологии Г. Гачева) вида словесности, придавали ему необходимую художественную составляющую.

Прекрасный пример этого дают «Записки» Г. Р. Державина, созданные в 1813 году. Это произведение поэта неизменно критиковалось исследователями за его чрезмерную архаичность, например, использование 3 лица вместо 1, чрезмерный пафос торжествующей государственности в духе эстетики классицизма. Так, П. М. Бицилли назвал их «типичный образец... не “литературы”, а “письменности”: мемуаров служилого человека» [Бицилли 1988: 373], которые обычно вырастали из отчетов по службе. Действительно, у Державина в записках вместо привычных глав присутствует VIII Отделений. Повествуя о своей окончательной отставке, состоявшейся 8 октября 1803 года, он включает в текст записок указ Сената по этому поводу, состоящий из 15 пунктов. Знакома читателей со своей деятельностью в качестве губернатора Олонецкой и Тамбовской гу-

берний, он подробно (по пунктам!) перечисляет свои заслуги на этих постах: от раздачи хлеба лапландцам до создания топографии Тамбовской губернии. Рассказывая о своей службе в царствование императора Павла I, Державин на десятках (!) страниц описывает дела, поступающие в Сенат, в разборе которых он принял деятельное участие.

Тем не менее, не эти страницы записок делают автодокументальный текст Державина интереснейшим литературным и культурным памятником своего времени, а именно анекдоты, количество которых у него значительно. Именно анекдоты создают неповторимую «личностную канву» записок Державина, позволяя ему, в конечном счете, реализовать основную установку текста: дать историю вельможи и человека, который «горяч, и в правде черт».

Сам мемуарист хорошо представлял жанровое своеобразие анекдота, называя его «особенный род истории», где «собираются любопытные и достойные примечания дела, дабы их разобрать философически и политически. В них может вдаваться автор в глубокие размышления, кои означат дарование его» [Державин 1984: 359–360]¹.

Классические исторические анекдоты присутствуют в записках Державина, но их не так много для воспоминаний государственного человека. К таким анекдотам можно отнести известный анекдот о встрече графа П. Панина и Державина с Пугачевым, содержащий единственное подробное описание пленного Самозванца, представшего перед мемуаристом «в тяжких оковах по рукам и по ногам, в замасленном, поношенном, скверном широком тулупе»: «Лицом он был кругловат, волосы и борода окомелком, черные, склоченные; росту среднего, глаза большие, черные на соловом лазуре, как на бельмах. От роду 35 или 40 лет» (514)². Не трудно заметить, что описание глаз Пугачева дается взглядом поэта-живописца, внимательного к цвету любых предметов: от шуки с голубым пером до рдяного Эквина.

Героем другого исторического анекдота Державина является генерал Александр Бибиков, под началом которого мемуарист служил во время Пугачевского бунта. Бибиков олицетворял собой любимый тип военачальника Державина, воспетого им в образе П. Румянцева в оде «Водопад». В записках Бибиков, который, по характеристике Державина, «был смел, остр и забавен» (463), узнав о повелении императрицы после начала Пугачевского бунта ехать для восстановления спокойствия в Оренбургскую губернию, поет Екатерине II русскую песню «Наш сарафан везде пригождается». «Это значило — поясняет Державин, — то, что он туда и сюда был беспрестанно в важные дела употребляем без отличных каких-либо выгод» (463). Данное обстоятельство сближало Бибикова, по мнению мемуариста, с самим Державиным, так как в русской народной песне о сарафане далее следовали такие слова: «А не надо, сарафан под

лавкою валяется». Не обходится в записках без образа князя Г. Потемкина, который, «поехав из армии, сказал своим приближенным, что он нездоров и едет в Петербург *зубы дергать*» (617). При этом мемуарист не скрывает того обстоятельства, что последний анекдот лишен какой-либо политической подоплеки. У него были хорошие отношения как с П. Zubовым, так и со Светлейшим князем Г. Потемкиным.

В своих исторических анекдотах Державин изображал и своих личных неприятелей, каким был, к примеру, генерал-прокурор князь Андрей Вяземский, под началом которого Державин одно время служил. Анекдот о нем автор записок называет «замечательным происшествием». Суть его такова. В 1779 году под смотрительством Державина стало перестраиваться здание Сената, особенно залы Общего собрания, в которой между прочими аллегорическими фигурами изображена была скульптором Рашетом фигура обнаженной Истины. Князь Вяземский, увидев обнаженную Истину, сказал экзекутору: «Вели ее, брат, несколько прикрыть. «И подлинно, — иронизирует Державин, — с тех почти пор стали отчасу более прикрывать правду в правительстве» (547).

Тем не менее, главным достижением мемуаров Державина можно назвать превращение анекдота в одну из основных стратегий изображения собственной личности. В записках четко просматриваются три основные стратегии изображения человека, каждой из которых соответствует свой набор анекдотов.

Первая стратегия связана с изображением Державина — знаменитого поэта. К подобным анекдотам можно отнести историю награждения Державина за оду «Фелица» золотой табакеркой, рассказ о написании оды «Бог» в припадке поэтического вдохновения, историю остракизма поэта при дворе после написания духовной оды «Властителем и судиям», в результате чего он заслужил у придворных Екатерины II прозвище «якобинца». Менее известным, но знаковым текстом, претендующим на статус литературного анекдота, можно считать историю о князе Федоре Козловском, поэте Василии Майкове и гвардейце-преображенце Гавриле Державине, которую сам Державин характеризует как «довольно смешной анекдот» (438). Суть анекдота заключается в следующем. Державин, будучи солдатом Преображенского полка, был отправлен в качестве вестового на квартиру к прапорщику третьей роты князю Ф. Козловскому, который в это время принимал у себя славного стихотворца Василия Майкова, читая ему свою трагедию. Когда Державин, отдав приказ, «несколько у дверей остановился, желая послушать, то Козловский, приметя, что он не идет вон, сказал ему: “Поди, братец служилый, с Богом; что тебе попусту зевать, ведь ты ничего не смыслишь”, — и он принужден был выйти» (439). Можно себе представить, какое впечатление должен был производить этот анекдот в начале XIX века, когда не только имя литератора Ф. Козловского, но и поэта В. Майкова стали литературной историей, что нельзя было сказать о поэзии «братца служивого», успевшего после написания своих «Записок» «благословить» Александра Пушкина.

¹ Для сравнения: «Словарь Академии Российской» 1789 г. объяснял слово «анекдот» как «достопамятное приключение».

² Здесь и далее цит по: [Державин 1871: 413–842] с указанием страниц в тексте статьи.

Вторая стратегия записок состоит в создании образа Державина — частного человека, который должен был бороться со своими страстями и переживать приключения всякого рода, чтобы, в конце концов, превратиться в достойного сына Отечества. Данная дидактическая установка, неизменно присутствующая в авантюрных приключенческих романах эпохи Просвещения, особенно проявляет себя в двух первых Отделениях записок, повествующих о молодости героя. Именно в этих частях демонстрирующий «резвость» и «высокую понятливость» герой неизменно нарушает «парадную» классицистическую установку повествования. Данная стратегия моделирования собственного образа берет свое начало уже на первой странице записок, где Державин, упомянув о том, что в младенчестве своем «был весьма мал, слаб и сух», поясняет, что «по тогдашнему в том краю непросвещению и обычаю народному, должно было его запекать в хлебе, дабы получил он сколько-нибудь живости» (414). Получив, таким образом, недостающую ему от рождения «живость», автобиографический герой Державина начинает ее активно реализовывать во всевозможных приключениях. Это и история «рыцарствующего капрала», который героически сражается с перевозчиками, чтобы произвести впечатление на даму своего сердца — благородную девицу, состоящую, тем не менее, в любовницах директора казанской гимназии господина Веревкина. И охотничий рассказ, почти что в духе барона Мюнхгаузена, о поединке с огромным вепрем. И чудесное происшествие в Зимнем дворце, ознаменовавшееся его спасением от почти неминуемой гибели. И история неудачливого игрока, вынужденного стать на время карточным шулером, чтобы отыграть проигранные деньги матушки, данные ему на покупку небольшой деревеньки в Вятке в 1767 году — вечная тема авантюрных романов XVIII века, начиная с «Истории кавалера де Грие и Манон Леско» аббата Прево.

При этом Державин не называет рассказываемые им истории буквально анекдотами, предпочитая использовать определение «замечательное происшествие». Цепь подобных «замечательных происшествий» становится личностным каркасом бытия молодого Державина, еще не ставшего государственным человеком, что происходит в III Отделении, где будущий знаменитый поэт со шпагой в руке будет сражаться со злодейскими шайками Е. Пугачева, едва не взяв в плен самого Самозванца.

Продолжение данной романической темы можно увидеть в «Записках» в истории молниеносной женитьбы Державина на 17-летней красавице Е. Бастидон, которую он воспел в своих стихах под именем Пленеры и отношения с которой характеризовал как «пламенную романическую любовь» (685). После смерти Пленеры в 1794 году Державин женился во второй раз на Д. Дьяконовой, оставившей след в его поэзии под именем Милены. Рассказывая историю своей второй женитьбы, Державин приводит еще один анекдот, характеризуемый им как «домашнее приключение» (683). Суть его заключается в следующем. Е. Державина, удивляясь, что Д. Дьяконова так долго не выходит замуж,

предлагает ей в качестве жениха поэта И. Дмитриева, который часто бывал в доме Державина: «“Нет, — отвечала девица, — найдите мне такова жениха, каков ваш Гаврила Романович, то я пойду за него и надеюсь, что буду с ним счастлива” <...> Державин, ходя близ их, слышал отзыв о нем девицы, который так в уме его напечатлелся, что, когда он овдовел и примыслил искать себе другую супругу, она всегда в воображении его встречалась» (683–684) Это «домашнее приключение» Державина несет в себе сказочный нарратив, заставляя вспомнить сюжет сказки о «Царе Салтане», подслушавшем разговор трех девиц под окном.

Одним из последних происшествий в жизни Державина, завершающим историю человека, находящегося, несмотря на свои страсти, под божьим покровительством (сюжет многих древнерусских повестей), является история экспедиции Державина по открытию города Кемь в заливе Белого моря. В это опасное путешествие мемуарист отправляется по поручению наместника Т. Тутолмина, мечтающего хоть на время избавиться от строптивого губернатора. Во время путешествия по морю, как раз напротив Соловецкого монастыря, Державина и его спутников настигает страшная буря — сюжет романический сам по себе, хорошо известный русскому читателю с эпохи древнерусских хождений и гисторий петровского времени. В этой почти безвыходной ситуации Державин, никогда до этого не бывший на море, спасает не только себя, но и всю команду в то время, когда «одна секунда и вал надобны были к погребению всех в морской бездне. В самое сие мгновение Державин вскочил, закричал на гребцов, чтоб не робели, подняли веслы, на которые лодка несколько оперлась и вдруг очутилась за камнем, который волнами воспрепятствовал ее залить. Таковым, можно сказать, чудом спаслись от потопления, и Державин тогда в уме своем подумал, что, зная, он ещё промыслом оставлен для чего-нибудь в сем свете» (573).

Наконец, третья анекдотическая стратегия Державина связана с моделированием образа Державина — государственного человека, идеального вельможи и истинного сына Отечества — установка, являющаяся основной для текста «Записок».

Создание «парадного портрета» идеального вельможи в записках Державина начинается с самого рождения мемуариста, когда в 1744 году на небе появляется огромная комета и «при первом на нее воззрении младенец, указывая на нее перстом, первое слово выговорил: “Бог!”», тем самым определив, что жизнь и служба его под покровительством божьим будет находиться» (414), — пишет Державин. Он не только смело ведет себя с людьми, подобными наместникам Т. Тутолмину и графу И. Гудовичу, но и с «домашним палачом» Екатерины II С. Шешковским, самой Екатериной II, Павлом I и Александром I. Так, в случае с Павлом I причиной столкновения Поэта и Правителя оказывается «хищническая алчность» генерал-прокурора графа Куракина, решившего нажиться на продаже подаренных ему императором казенных земель. Державин высмеивает такое поведение в анакреонтической песне «К самому себе» («Что мне, что мне суесться, выучить

бремя должностей»), сделав все возможное, чтобы она дошла до государя. В результате происходит известная сцена в церкви, когда «император, проходя в церковь, между собравшимися в проходной зале, увидел Державина, с яростным взором, по обыкновению его, раздув ноздри, так фыркнул, что многие то приметили и думали, что, верно, отошлет Державина в ссылку или, по крайней мере, вышлет из города в деревню; но Державин, надеясь на свою невинность, пошел, будто ничего не приметя, в церковь, помолился богу и дал себе обещание в хвалу божью выпросить к своему гербу надпись: “Силою вышнюю держусь”» (745). В гербе Державина действительно была изображена рука, держащая звезду.

Символом разочарования Державина в Александровской эпохе могут служить анекдоты, предшествующие его отставке, самым известным из которых является анекдот об императоре, отправляющем его в отставку со словами, что он «слишком ревностно служит» (821).

Некоторые анекдоты Державина «государственного плана» генерируют создание настоящей литературной традиции изображения русской государственной машины. Так, история «притеснений» матери поэта Феклы Андреевны в приемных казанских вельмож, когда часто «она должна была ни с чем возвращаться домой со слезами в крайней горести и печали» (417), лежит у истоков литературной ситуации «у парадного подъезда», о которой будут писать Н. Гоголь и Н. Некрасов. Второй анекдот, получивший литературное продолжение, анекдот о ручном медвежонке, которого заседатель олонекского суда Молчин привел в суд с шутливыми словами: «Вот вам, братцы, новый заседатель, Михаила Иванович Медведев» (569). Этот анекдот откликнулся в русской литературе «Генералом Топтыгиным» Н. Некрасова и «Медведем на воеводстве» М. Салтыкова-Щедрина. Впрочем, для самого Державина этот анекдот получил печальное продолжение, став одной из причин, почему он потерял место олонекского губернатора. Державин пишет, что по городу быстро распространились слухи, «будто медвежонок по приказанию губернатора в насмешку председателя Тутолмина (худо грамоту знающего) приведен был нарочно Молчиным в суд, где и посажен на председательские кресла, а секретарь подносил ему для скрепы лист белой бумаги, к которому, намарав лапу чернилами медвежонок, прикладывали, и будто как прочие члены стали на сие негодовать, приказывая сторожу медвежонок выгнать, то Молчин кричал: “Не трогайте, медвежонок губернаторский!”» (569).

И все же самым известным анекдотом «государственного плана» стал анекдот о Екатерине II и статс-секретаре Державине. Суть анекдота сводится к следующему. Якобы во время доклада императрице о вреде фаворитизма, желая привлечь к себе ее внимание, Державин схватился за край мантилии Екатерины II и с силой потянул к себе. Екатерина, безусловно, обладающая чувством юмора, решила обратить сей неприятный для себя инцидент в шутку и, подозвав к себе своего секретаря Василия Попова, попросила его посидеть рядом с ней во время доклада Державина: «Гавриил Романович меня, ка-

жется, прибить хочет». Анекдот был так хорошо известен современникам Державина, что мемуарист, рассказывая в «Записках» эту историю, прямо называет ее «любопытный анекдот» и дает к ней свой комментарий, уверяя читателей, что ничего подобного никогда не было³. На самом деле разгневанная пространными докладами Державина императрица, «так что лицо пылает огнем, скулы трясутся» (651), однажды призывает к себе Василия Степановича Попова и в его присутствии тихим, но грозным голосом требует от Державина чтения краткой записки, что он и делает в присутствии свидетеля. После этого он получает от императрицы приказ прийти и прочесть по этому делу пространную записку, сделанную уже более снисходительным тоном. «Ничего этого (о чем рассказывали в известном анекдоте — Е. П.) не было и быть не могло», — уверяет мемуарист (651–652). Безусловно, когда Державин в записках полностью отрицал справедливость анекдота о мантилии императрицы, он помнил петербургские слухи, поддерживаемые самой Екатериной II, о встречах императрицы с французским философом Д. Дидро в Петербурге зимой 1773–1774 годов. Тот якобы так страстно убеждал императрицу в необходимости отменить в России крепостное право, что наставил ей синяков на руки. Это заставило Екатерину II озаботиться тем, чтобы между ней и Дидро всегда находился журнальный столик, дабы умерить горячность философа. Хотя сам Державин все время убеждал читателей в своей горячности до правды, он не хотел становиться героем подобных анекдотов, которые унижали его статус идеального вельможи. Зато Державин с внутренним удовольствием приводит другой эпизод из своего статс-секретарства, когда императрица «вспыхнула, зараскелась и закричала: “Поди вон!”» (652). Причиной гнева Екатерины II стало нежелание мемуариста «играть роль хитрого царедворца», отказавшись поддерживать жалобы императрицы на мотовство великого князя Павла Петровича и ответив, что «Наследника с Императрицей судить не может» (652). Очевидно, что в последнем случае чести Державина не грозил никакой ущерб, так как он действовал и поступал в соответствии со своей собственной поэтической заповедью, высказанной им в оде «Вельможа»: «Змеей пред троном не сгибаться, Стоять — и правду говорить» (216).

По мнению ряда исследователей, например Н. Николиной, Державину не удастся достичь в тексте записок целостности авторского образа, так как «“Я” первоначального текста... соответствует ряд номинаций, сменяющих друг друга <...> Смена номинаций отражает течение биографического времени в изменении “сюжетных ролей”» [Николина 2002: 121]. К подобным номинациям относятся номинации Державин–младенец, Державин–сын, Державин–молодой мушкетер, Державин–честолюбивый гвардейский офицер, Державин–губернатор и т. д.

³ В издании Сочинений Г. Державина Я. Гротом этот анекдот дается по «Мелочам из запаса моей памяти» М. Дмитриева [Дмитриев 1869: 36].

На наш взгляд, достичь эффекта целостности как раз позволяют анекдоты, «оживляющие» рациональное, эпическое мемуарное повествование, составляя его «изюминку», «прелесть». Это символ наивысшего расцвета «личностного начала» в эго-документах любого рода. Не случайно, рассказывая анекдоты, авторы обычно переходили от описательного документального мемуарного стиля к стилю художественного повествования. И Державин был одним из первых русских авторов-мемуаристов, кто продемонстрировал в своих записках возможности и примеры данного «перехода». Это делает текст его автодокументальной прозы очень характерным для эпохи, когда, по мнению А. Беловой, анекдот выделялся «в ряду микрожанров, определяющих направление переориентации жанровой системы с поэзии на прозу, происходящей в русской литературе 1800–1830 годов» [Белова 2008: 4].

Державин моделированием своей жизни в мемуарном тексте доказал возможность проецирования жанровой установки исторического анекдота на материал, который в I трети XIX века станет основой для появления литературного анекдота. Образцы такого анекдота во множестве будут встречаться в «Старой запиской книжке» П. Вяземского или «Table talk» А. Пушкина. Это доказывает справедливость слов Е. Курганова, что анекдот «не столько питается за счет других жанров, сколько питает сам, освежая, обогащая, привнося разнообразие и глубину» [Курганов 1997: 7]. Интерес к литературному анекдоту становится характерной чертой культуры XVIII — первой трети XIX веков. Достаточно вспомнить «потемкинский фольклор» А. Пушкина или анекдоты о генерале А. Ермолове у Д. Давыдова.

ЛИТЕРАТУРА

Белова Н. А. Литературный анекдот в русской прозе и периодике первой трети XIX века. — Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. гуманит. ун-та, 2008. — 230 с.

Данные об авторе

Елена Евгеньевна Приказчикова — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург).

Адрес: 620000, Россия, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

E-mail: miegata-logos@yandex.ru.

About the author

Elena Evgenjevna Prikazchikova — Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Department of Russian and Foreign Literature, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg).

Бицилли П. М. Державин // Ходасевич В. Державин. — М.: Книга, 1988. — С. 371–374.

Гроссман Л. П. Искусство анекдота у Пушкина // Гроссман Л. П. Литературные портреты. — М.: РИПОЛ классик, 2010. — С. 45–79.

Державин Г. Р. Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота: в 9 т. — СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1871. — Т. 6. — С. 413–842.

Державин Г. Р. Стихотворения. — Л.: Сов. писатель, 1957. — 469 с.

Державин Г. Р. Из неизданного // Державин Г. Р. Избранные проза. — М.: Сов. Россия, 1984. — С. 359–362.

Дмитриев М. Мелочи из запаса моей памяти. — М.: Типография Грачева и Ко, 1869. — 298 с.

Курганов Е. Анекдот как жанр. — СПб.: Академический проект, 1997. — 123 с.

Николина Н. П. Поэтика русской автобиографической прозы. — М.: Флинта; Наука, 2002. — 424 с.

REFERENCES

Belova N. A. Literaturnyy anekdot v russkoy proze i periodike pervoy trety XIX veka. — Nizhnevartovsk: Izd-vo Nizhnevart. gos. humanit. un-ta, 2008. — 230 s.

Bitsilli P. M. Derzhavin // Khodasevich V. Derzhavin. — M.: Kniga, 1988. — S. 371–374.

Grossman L. P. Iskustvo anekdota u Pushkina // Grossman L. P. Literaturnye portrety. — M.: RIPOL klassik, 2010. — S. 45–79.

Derzhavin G. R. Sochineniya Derzhavina s ob"yasnitel'nymi primechaniyami Ya. Grot: v 9 t. — SPb.: Tip. Imp. Akademii nauk, 1871. — T. 6. — S. 413–842.

Derzhavin G. R. Stikhotvoreniya. — L.: Sov. pisatel', 1957. — 469 s.

Derzhavin G. R. Iz neizdannogo // Derzhavin G. R. Izbrannye proza. — M.: Sov. Rossiya, 1984. — S. 359–362.

Dmitriev M. Melochi iz zapasa moey pamyati. — M.: Tipografiya Gracheva i Ko, 1869. — 298 s.

Kurganov E. Anekdot kak zhanr. — SPb.: Akademicheskii projekt, 1997. — 123 s.

Nikolina N. P. Poetika russkoy avtobiograficheskoy prozy. — M.: Flinta; Nauka, 2002. — 424 s.